

Философия уголовного права в истории европейских и англо-американских школ

Бочкарёв С.А.,

кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник Института государства и права РАН
E-mail: bochkarvs@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой историографический обзор основных явлений, процессов и взглядов, отражающих зарождение, становление и развитие философии уголовного права в европейской и англо-американской традициях. Обобщенный в этой статье материал демонстрирует основные вехи истории названных школ и не претендует на исчерпывающий обзор отраслевой литературы. При этом он может быть полезен российской философии и науке права, поскольку дает им возможность дополнить или сформировать представления о мире философии уголовного права и оценить положение одноименной отрасли знания в отечественной науке.

Ключевые слова: наука, философия, право, философия уголовного права, теория права, история уголовного права.

Философия права в целом и философия уголовного права в частности как сферы междисциплинарного знания имеют давнюю историю. Источники убедительно свидетельствуют о том, что задолго до своего институционального формирования и обособления отдельные явления и институты права, в том числе уголовного порядка, представляли большой и самый серьезный интерес для мыслителей всех времен и народов. Их заинтересованность в правовом не была случайной. Внимание к нему обусловлено тем, что без составляющих сущность права элементов конструируемые философами универсалии или концепты бытия не приобретали в их глазах целостного или завершенного вида.

Неустанное любопытство философов к праву имело свои последствия. Сохраняющаяся и переходящая из века в век актуальность их трудов для правоведов позволяет утверждать, что именно эти концепции некогда стали предпосылками для формирования юридического мировоззрения, а с течением времени приобрели «вес» и начали составлять его универсальный базис, обеспечивающий и устойчивость, и динамическое развитие правопонимания. Работы великих мыслителей не нуждаются в представлении и комментарии. Значение для юриспруденции — «Государства» и «Законов» Платона, «Этики» и «Политики» Аристотеля, «О государстве» и «О законах» Цицерона, «Суммы теологии» и «О правлении государей» Фомы Аквинского, «О праве войны и мира» Гуго Гроция, «Трактата о всеобщей справедливости» Ф. Бэкона, «Левиафана...» и «Философских оснований учения о гражданине» Т. Гоббса, «Трактатов о правлении» Дж. Локка, «О духе законов» Ш. Монтескье, «Общественного договора...» Ж.-Ж. Руссо, «Метафизики нравов» И. Канта, «Философии права» Г. Гегеля, «Основ естественного права» и «Системы учения о нравственности» И. Фихте и др. — можно только недооценить. Уже одни названия убедительно и оправдано заявляют о несравнимом масштабе и мощной интеллектуальной силе этих

произведений, их безусловной полезности для правовой мысли.

Перечисление примеров можно продолжить. Однако важнее обратить внимание на то, что каждый мыслитель существенно опережал свое время. Их идеи служили своего рода взглядом из будущего или проекцией в будущее, которым они привлекали и в которое вовлекали настоящее и даже прошлое человечества. К примеру, когда большинство народностей находилось в плену мифических преданий, а примером для подражания были мифологические герои, софисты уже заявляли о том, что мерой всех вещей является конкретный человек. Когда население Земли почти полностью было во власти культовых обрядов, Протагор призывал почитать не идолов, а закон и порядок, утверждал невозможность существования без них человеческого общества. Когда за убийство нездорового члена социума древние люди благодарили Зевса за его снисхождение и благосклонность к ним, тот же Протагор предлагал отказаться от возмездия как идеи наказания. Когда месть и расправа воспринимались как естественное средство восстановления всеобщей гармонии и очищения земли от последствий дурного поступка, мыслитель оправдывал только то наказание, которое делало виновного лучше.

Чаще взгляды философов оставались в истории не востребуемыми проекциями возможного будущего. По разным причинам далеко не всегда философам удавалось увлечь своими взглядами общество, добиться отказа от действующих в мировоззрении несовершенных стереотипов или понудить к их трансформации. Проблема была, как правило, либо в абсолютистских или утопических основаниях того или иного учения, либо в неподготовленности общественного сознания к освоению его предложений. Однако концепты мыслителей, даже самые невероятные из них, служили и служат ориентиром для модераторов правовой мысли. Выступают для них выражением либо идеала, к которому надлежит

стремиться, либо его антиподом, которого нужно сторониться, или служат основанием для «поиска золотой середины».

При этом право, войдя благодаря интеллектуальным усилиям философов в состав научной картины мира и заняв в ней свое специфическое место, выполнило для мыслителей не только так называемую служебную роль. Заполнением пустующей ниши дело не ограничилось. За взаимодействием философии и права последовала их взаимотрансформация. По свидетельству историков мысли, появление права в философской орбите начало модифицировать саму философию. Через обретение идеи права, как подтверждают исследования немецкого историка-эллиниста В. Ягера, а также его соотечественника — культуролога Э. Кассирера, обновлялась сама философия. Сравнив взгляды Гомера и Гесиода, специалисты обнаружили, что эпосы последнего из-за более интенсивного обращения к праву (проклятия несправедливости и благословения права¹) изменили свой облик. С его помощью они преодолевали абстрагированность и обезличенность. «Идея права вдохнула в эпос новую жизнь, она дала ему такой личностный характер, который еще отсутствовал у Гомера»².

Правоведы, безусловно, также внесли свой посильный вклад в институционализацию права, в процессы его формализации, догматизации, специализации, классификации и кодификации. Значение этого, без сомнения, весомого опыта невозможно преуменьшить. Однако по признанию авторитетных юристов, их взглядам на право почти всегда предшествовала добротная философская подготовка. На момент подступа к познанию права они уже находились под влиянием идеализма или материализма, эмпиризма или рационализма, реализма или агностицизма, монизма или дуализма и т.д., то есть были погружены в то или иное концептуальное течение, имели мировоззренческие предпочтения и обладали инструментарием (категориями, идеями и методами) философского порядка.

Хорошим примером сказанному служит основополагающая для уголовного права работа итальянского мыслителя Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях», которая в свое время потрясла не только юридический мир, но и всю общественную мысль человечества. В этой монографии автор под влиянием идей Монтескье и французских энциклопедистов сумел выразить гуманистические взгляды эпохи Просвещения в той их части, которая касается системы уголовного права и правосудия, одновременно подвергнув критике инквизиционное право с

его феодальными атрибутами. Книга Беккариа, как ее оценивают юристы, явилась гласом общественной совести, заложила фундамент правосознания Нового времени и до сих пор остается его неотъемлемой частью³.

В итоге можно уверенно сказать, что поскольку философия испокон веков представляла собой, как пишет В.С. Степин, самосознание всей культуры, являлась ее рефлексивной силой и генератором новых смыслов⁴, то без внимания философов к правому в человеке и социуме, его соизмерения на онтологическом уровне с иными сферами бытия и обретения им собственной компетенции. Как минимум, процесс объективации права без философского опыта затянулся бы на долгие столетия и, вероятно, только сегодня мы бы подошли к пониманию того, что Беккариа в свое время имел в виду под «жестоким варварством», как он охарактеризовал Средневековье.

Однако, несмотря на исходные исторические свидетельства и априорные предпосылки, убедительно объясняющие возможность, необходимость и очевидную полезность синтеза философии и права, далеко не во всех странах и не в каждой юридической системе возможность их взаимообусловленного рассмотрения признается, а ее потенциалу отдается должное значение. Если по направлению «философии права» как наиболее общего формата взаимопроникновения философии и права имеется относительно устойчивое понимание и проводится некоторая исследовательская работа, то далеко не так успешно в российской науке права дела состоят с философией уголовного права. Особенно наглядно это просматривается на фоне европейской мысли, которой принадлежит пальма первенства в работе над философией уголовного права. История становления этой мысли свидетельствует о том, что она всегда старалась поддерживать связь с уголовно-правовым миром, рассматривала его в качестве объекта познания. В силу своей преемственности и перманентного интереса к криминальной материи, континентальный подход к праву можно считать эталоном и использовать его в этом качестве при оценке усилий других юридических систем по осмыслению уголовной реальности.

Летоисчисление рассматриваемого периода в истории философии исследователи европейского уголовного права ведут с античных времен.

¹ См.: Jaeger W. *Paideia*. Berlin, 1934. Bd. 1. P. 193.

² Cassirer E. *Logos, Dike, Kosmos in der Entwicklung*. Göteborg, 1941. P. 13.

³ См.: Беккариа Ч. *О преступлениях и наказаниях* / Пер. Ю.М. Юмашева. М.: Междунар. отношения, 2000. С. 6.

⁴ См.: Степин В.С. *Философский анализ мировоззренческих универсалий культуры* // Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 8

Согласно периодизации, предложенной немецким юристом, профессором Геттингенского университета — Карлом Л. фон Баром, философия уголовного права складывается из политико-правовых учений сменяющих друг друга эпох. В работе «История континентального уголовного права» он приурочил ее основные этапы ко времени появления на свет воззрений мыслителей Древней Греции и Рима, представителей Средневековья, а также уголовных теорий времен «Г. Гроция — Ж.-Ж. Руссо», «Ч. Беккариа — П. Фейербаха», «И. Бентама — И. Гербарта», «Г. Гегеля — К. Биндинга»⁵.

Античный период представлен воззрениями софистов, Сократа, Платона, Аристотеля, стоиков, эпикурейцев и представителей римской философии, которые в основном занимались осмыслением происхождения наказания и поиском оснований для его применения от имени власти. Однако из всего наследия античного времени наиболее полезными для уголовного права признаны идеи Аристотеля. Его теория уголовного права названа историками уникальной и обособлена от других учений Древнего мира, которые в большинстве своем естественным источником наказания считали государство и занимались морально-этическим оправданием такого положения дел.

Аристотель же рассмотрел уголовное право не только с позиции государства, применяющего наказание. Он посмотрел на него с точки зрения преступника, который должен понести наказание. Обратил внимание на личность и наличие у нее самостоятельных прав, допустил возможность их противопоставления интересам государства. Он утверждал, что наказание должно основываться на распределительной справедливости («равное — равным, неравное — неравным», «каждому свое»), а не на уравнительной справедливости («равным — за равное»). Что касается назначения наказания, то по мере становления взгляды Аристотеля модифицировались. На первоначальном этапе он, как и Платон, считал, что наказание означает исцеление преступника. Поддерживал мысль о мести как наилучшем методе наказания. Затем, уже в «Никомаховой этике», взгляды философа скорректировались. Основную цель наказания он ассоциировал с идеей сдерживания. Наказание, по его мнению, должно противодействовать распространенному желанию масс получать прибыль и удовольствия за счет несчастья и горя других.

Стоики в своем отношении к уголовному праву и его принципам исходили из того, что между добром и злом нет золотой середины. Поскольку они — диаметрально противоположны, то автор

зла автоматически отождествлялся с самим злом. При этом проявление жалости при назначении наказания они считали слабостью. Законодатель, по их мнению, не нарушал принципа справедливости, даже если применил к виновникам произвольное наказание. Эпикурейцы, как и стоики, не видели в преступлении безусловного и единственного основания для наказания. В нем они усматривали инструмент в руках законодателя для наведения дисциплины, сдерживания либо воспитания личности для того, чтобы заставить ее служить целям законодателя.

Римская философия, как отмечал Карл Л. фон Бар, в древние времена еще не сформировала систему собственных представлений об уголовном праве, поэтому она выстраивала свои взгляды на это право во многом на основе стоицизма. От себя мыслители Рима лишь смягчали жесткие доводы стоиков, широко используя гуманистические идеи, затем проложившие путь к христианству. Возможно, такой вывод историками европейского уголовного права сделан потому, что Цицероном и Сенекой как наиболее видными представителями римской философии немного было сказано о наказании.

Мыслители и вправду совсем мало в своих речах произнесли о наказании. Соответствует действительности и то, что в собственных воззрениях они зачастую брали за основу позиции стоиков или эпикурейцев. Известны, к примеру, слова Сенеки (4 г. до н.э. — 65 г. н.э.), в которых он соглашался с Эпикуром, что наказание является делом необходимым, полезным и целесообразным. Однако римский философ существенно развил тезисы своего греческого предшественника, убедившись в их неточности и, в конечном счете, не согласившись с ним в том, что единственным источником наказания служит исключительно воля правителя. Он заметил, что злодеянья могут быть безнаказанны, но не безмятежны, и увидел в этом существование более глубоких оснований у наказания. Первое и наибольшее наказание за грех он усмотрел в самом грехе. Ни одно злодейство, писал Сенека, пусть даже Фортуна осыплет его своими дарами, пусть охраняет его и опекает, не бывает безнаказанным, так как кара за злодейство — в нем самом.

В своих «Нравственных письмах к Луцилию»⁶ Сенека предлагал не соглашаться с Эпикуром, когда тот говорил, что нет справедливого по природе. В том, что злые дела бичует совесть, что величайшая пытка для злодея — вечно терзающее и мучащее его беспокойство, Сенека видел доказательства того, что именно природа заставляет нас отстраняться от преступлений.

⁵ См.: Bar, Carl Ludwig von. A History of Continental Criminal Law. Boston. Little, Brown, and Company. 1916. P. XXV.

⁶ См.: Ad Lucilium Epistulae Morales with an English translation by Richard M. Gummere, Ph.D. of Haverford College in Three volumes I. London William Heinemann New-York: G.P. Putnam's Sons. MCMXW.

Многих Фортуна освободила от кары, но нико-го — от страха, утверждал философ. Из-за того даже скрывшийся не верит в возможность скрыва-ться вечно, что его уличает и обличает перед самим собою совесть. Плохо было бы наше дело, если бы многие злодеяния ускользали от мстящего закона и предписанной кары — и не при-ходилось бы тотчас же за них платить тяжким наказанием, налагаемым природой, которая за-меняет пытку страхом.

К уголовно-правовым идеям Сенеки также надлежит отнести мысль об «основоположе-ниях», которая по своей направленности и вы-сокому уровню обоснованности вполне может считаться концептом об учреждении уголовного уложения. Разработку и введение в жизнь осно-воположений философ рассматривал как наи-более сильное средство против извращенных нравов людей, прежде всего против их алчности и жестокости, не знающих меры, а также иных пороков, бьющих через край человеческой при-роды. С их помощью люди должны искоренить в себе ложные мнения, научиться различать благо и зло, знать, что все, кроме добродетели, меняет имя и становится то злом, то благом.

Необходимость адаптации идеи об осно-воположениях Сенека объяснял потребностью «связать людей», то есть погрузить их в единое ценностное пространство, чтобы не было того, что за одно и то же преступление, если оно совер-шено тайно, платят головою, а если в солдатских плащах — получают похвалы. Значительный по-тенциал таких правил мыслитель увидел в их способности служить определенности, постоян-ству и непереносимости, поскольку часто мы заблуждаемся и многое считаем дороже, чем оно на самом деле есть. В руках людей появится мерило, которым они смогут проверять свои поступки и оценивать их правильность, уверенно отличать благо от зла, честное от постыдного, благочестивое от нечестивого. Будут четко знать, почему так поступают, а не относить причины содеянного к случайности, либо к элементарным навыкам.

Поскольку социальная среда человека амби-валентна, одно и то же в ней может быть и позор-ным, и честным, Сенека отмечал, что в каждом случае важно знать, почему и как оно делается. При этом критерий для сравнения и оценки по-ступков, то есть «основу» основоположений, Се-нека усматривал в принципе честности. В делах человеческих только то и благо, что проистекает из честности. Все остальное — благо лишь на сей миг. В честности природа установила, что пра-вильно и справедливо.

Несколько ранее Сенеки не менее весомый вклад в римскую философию уголовного права внес Марк Туллий Цицерон (106–43 г. до н.э.). К числу его ключевых достижений принадлежит выявление онтологических основ преступления

и наказания, то есть укорененных в самом бытии принципов их функционирования. Несмотря на свое становление в качестве общественного и го-сударственного деятеля, Цицерон не усматривал в политической организации самодостаточного источника правил, по которым должна организо-вываться и которым должна подчиняться обще-ственная жизнедеятельность. Отмечал, что по-литические взгляды в частности и общественные в целом могут быть самыми разными, произволь-ными и, в конечном счете, ненадежными. Одни преклоняются перед самыми гнусными живот-ными и делают из них своих богов. Над другими властвуют иные, не менее смешные, предрассуд-ки. И было бы нелепо считать справедливым все то, что у народа получило законодательную санк-цию. Если бы афиняне единогласно одобрили законы их тридцати тиранов, то стали ли бы эти законы более справедливыми? Задавался рито-рическим вопросом мыслитель.

Цицерон считал, что помимо законодатель-ных правил есть еще данные природой установ-ления, к которым затем активно апеллировал Сенека. По сути, утверждал, что в бытии при-сутствуют те постулаты, которые признаются неизбежными даже изменчивыми человечески-ми предрассудками. В этой связи мыслитель за-давался вопросом о том, существует ли на земле народ, который не уважал бы доброты, кротости, чувства благодарности? И отвечал на него, гово-ря о том, что не существует народа, который не презирал бы, не питал бы отвращения к высоко-мерию, злобе, жестокости, неблагодарности.

Все сказанное имеет прямое отношение и к праву. Оно, по идее философа, лежит в плоскости справедливости, а не писаных законов. Природа, желавшая связать людей между собою общением и взаимными отношениями, начала с того, что создала их справедливыми. При этом существует только одна справедливость, которая и закрепляет общественную связь: она вытекает из единого закона здравого смысла, за которым должно быть признано исключительное право повелевать и запрещать. Был ли или не был этот закон когда-либо писан, — тот, кто его не знает или осмели-вается нарушить, несправедлив. «Если, во време-на Тарквиния, Рим не имел еще писаного закона против изнасилования, то Секст Тарквиний, на-силуя Лукрецию, разве не нарушил вечного за-кона?» — задавался еще одним риторическим вопросом Цицерон. Разве не было достаточно вложенного в нас природою разума, чтобы по-будить к добру и отвратить от преступления? Он получил законную силу не в ту минуту, когда был написан, а тогда, когда появился вместе с божес-ственным разумом и с того самого момента стал образцом законов.

Наказание, по мысли философа, выступает в качестве необходимого, но неосновного средства

противодействия преступлениям. Первоочередное и преимущественное влияние на индивидуума оказывают факторы этического порядка, которые берут свое начало из все того же единого закона здравого смысла. Если только боязнь наказания, писал Цицерон, а не отвращение к преступлению, должна удерживать нас от правонарушений и несправедливости, то нет несправедливых людей, а люди злые — только неловки. Если нами не руководит чувство чести, если мы порядочны только потому, что усматриваем в этом свою выгоду, — мы хитрые, но не честные люди. Что станет делать впопыхах тот, кто боится только свидетелей и судей? Как поступит он, встретив в уединенном месте слабого человека, имеющего при себе много золота, которое он легко может отнять? Если вы честны и справедливы от природы, вы приблизитесь к этому несчастному, заблудшемуся, окажете ему помощь, выведете на дорогу. Но не трудно предвидеть, как поступит тот, который ничего не делает для других и все измеряет собственным интересом⁷.

Средневековая философия уголовного права не отмечена богатым представительством. Ее история, по мнению европейских исследователей, преимущественно связана с творчеством Ансельма Кентерберийского (1033–1109), Пьера Абеляра (1079–1142), Петра Ломбардского (1100–1160), Фомы Аквинского (1225–1274) и становлением христианства в целом.

Христианство в начале своего пути, как отмечал французский философ, профессор Университета Сорбонны Поль Жане (1823–1899), воспринималось в качестве секты и часто подвергалось преследованию. В лучшем случае к его последователям относились терпимо. На первоначальном этапе в доктрине христианства таким институтам, как государство и правовая система, места не находилось. Они не играли в христианском мировоззрении какой-либо значимой роли. Христианство попервости признавало только собственную систему морали и ничего не знало о христианской системе права. Исходящий от человека закон вообще считался излишним. Полагалось, что крещенные крестьяне способны вести праведную жизнь и не нуждались в законе. Одной братской любви достаточно для всего жизнеустройства. Христианством допускалось, что язычники могут иметь свое государство и право. Но между христианами названные средства организации общественного бытия считались излишними. Основой всего считалась братская любовь⁸.

В своем отношении к государству, по мнению немецкого исследователя Ганса Хетцеля, христи-

анское учение исходило из Иисусовых заповедей, которые предписывали их последователям не вступать в конфликт с законами светской власти. Одна из них гласила «отдавайте кесарю — кесарево, а Богу — Божье». Другая требовала: «Возврати меч твой в ножны, ибо все, взявшие меч, погибнут от меча». Считается, что последняя заповедь выражала отрицательное отношение христианства к мести и к смертной казне. Толкователи без сомнения утверждают о том, что Христос, произнося свои слова, запретил всем людям иметь меч и употреблять его в качестве защиты или для производства насилия.

Существенный разворот христианства к праву был отмечен сразу после того, как оно стало признаваться государством. Когда христианство перешло из статуса секты к статусу государственной религии, его концепция права и государства претерпела существенные изменения. Этому способствовало то обстоятельство, что церковь, сразу после своей легализации, возвышения в социальной иерархии, или даже отождествления ее с государством, активно взялась за преследование неверующих или иноверцев. К тому же когда само государство попало под влияние христианского идеала нравственности, возникла необходимость найти способ привести в соответствие с этим идеалом варварскую систему уголовного права, которая ранее преобладала в государстве, а также оправдать жестокие гонения на ереси. Эта цель легко достигалась за счет приписывания государству и его законам божественного происхождения⁹.

В итоге, как писал Г. Мэн, развитие уголовного права было повсеместно связано и ускорено двумя институтами — развитием государственности и влиянием церкви, которая тогда активно отстаивала статус опекуна общества, а по ряду вопросов — прямого представителя государства. В своем стремлении к власти церковь самым первым делом желала подчинить себе жестокую карательную систему, чтобы наказывать за тяжкие преступления. Идеологически такая позиция обосновывалась ссылками на ряд отрывков из Священного Писания, в которых с одобрением говорилось о наказании. Новый Завет доказывал, что светские правители существуют для наведения ужаса на злодеев, а Ветхий Завет утверждал, что тот «кто прольет кровь человека, тот прольет свою кровь от руки человека»¹⁰.

Однако дело не ограничилось приспособлением карательной системы под нужды церкви, которая к тому времени уже начала представлять собой

⁷ См.: Марк Туллий Цицерон. Мысли и высказывания / Под ред. В.П. Бутромеева, В.В. Бутромеева. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 9–13, 69.

⁸ См.: Janet P. Histoire de la philosophie morale et politique. 2 vol. Paris, 1868. V. I. P. 210.

⁹ См.: Hetzel H. Die Todesstrafe in ihrer kulturgeschichtlichen Entwicklung / eine studie von H. Hetzel. Berlin; W. Moeser, 1870. P. 49–50.

¹⁰ См.: Maine Henry Sumner. Ancient Law: Its Connection with the Early History of Society and Its Relation to Modern Ideas. London: John Murray, Albemarle Street, 1897. P. 397.

определенный корпоративный союз. Становление церкви и ее активное вхождение в общественную жизнь привело с собой незаурядных мыслителей, которые рефлексировали не только по поводу ее нового положения в социуме, но и над идеалами самого социума. По оценкам профессора Гарвардского университета Г.Дж. Бермана, существенное влияние на обновление европейского уголовного-правового мировоззрения в Средние века оказали взгляды итальянского философа, католического богослова и основоположника схоластики Ансельма Кентерберийского. Он, конечно, основывал свои рассуждения на трудах предшествующих мыслителей. Вместе с тем, как отмечают специалисты, совместно со своими последователями богослов в значительной мере их пересмотрел. Уровень переоценки был таков, что с именем архиепископа тесно связали возникновение революции в теологии и праве.

Речь идет о том, что с приходом в теологию философа религия перестала быть «священной короной», которая являлась уделом лишь мистических таинств и откровений. В *Proslogium* Ансельма теология предстала в новом для нее значении, то есть в значении рационального и объективного анализа и синтеза постулатов веры и свидетельств их справедливости. Иными словами, мыслитель стал применять к бытию Бога те же самые критерии доказательств и логические приемы, что и к другим явлениям опыта. По рационализации теологии, как писал Дж. Гхеллинг, Ансельму не было равных¹¹. Это было, как отмечал Берман, *ratio* феодальных правовых понятий удовлетворения чести и канонических правовых понятий наказания за преступление. Имеются в виду понятия «справедливости», «наказания» и «возмещения», которые представлялись объективными истинами, открытыми для постижения разуму как неверующих, так и верующих.

На основе своего подхода Ансельм без труда передвигался между теологией и правом, за что неоднократно подвергался критике. Существенное влияние на право оказала его теория об искупительной жертве, которая не была принята церковью, но продолжительное время оставалась господствующей на Западе. С ее помощью философ рассмотрел ряд антитез. С одной стороны, он через объяснение снисхождения на Землю и принесения в жертву Богочеловека — Иисуса Христа — примирил и разрешил конфликт, возникший между Богом и человеком, который ослушался и не подчинился его блаженной воли. За счет самопожертвования Христа человек был прощен за первогрех (врожденную склонность к алчности, гордыне, властолюбию и другим формам пренебрежения к Богу), но был оставлен

под дополнительной ответственностью — не избирать добровольно путь нарушения запретов. С другой стороны, богослов через интерпретацию этого библейского события в своей теории получил ответы на вопросы о том, почему требуется либо возмещение, либо наказание, и почему Бог в своем милосердии и в знак благодати не может без всяких условий простить людям грехи. Главный итог его рассуждений состоял в том, что и возмещение, и наказание необходимы для устранения нарушения справедливого порядка как праведности Бога. Прощение без покаяния, то есть без наказания, по его мнению, невозможно, ибо в противном случае оно оправдывает зло и дает «волю греху»¹².

Еще одним из выдающихся представителей эпохи Средних веков признан итальянский философ и теолог Фома Аквинский, который не только как глубоко религиозный человек, но и как хороший знаток и последователь Аристотеля полагал, что Бог сотворил человека. Еще он наделил его свободой воли и оставил в пределах своих наставлений. В отличие от камня, движущегося под силой тяжести, или животного, подчиняющегося инстинктам, человек следует дарованному ему Богом свободному суждению, с которым отождествляется и в котором проявляется все его разумное начало. Без свободы воли, писал мыслитель, такие средства воздействия на него, как советы, увещевания, заповеди, запреты, награды и наказания были бы напрасны.

По идее мыслителя, институт наказания имеет естественное происхождение. Во-первых, как уже было отмечено, он имеет отношение только к человеку как к существу свободному. Во-вторых, наказание самым первым делом проистекает из внутреннего состояния человека. В качестве доказательства этому Фома Аквинский приводил слова христианского богослова и философа Аврелия Августина (354–430) о том, что как только люди ослушались Божественных повелений и утрачивали Божественную благодать, они начинали стыдиться своей наготы, чувствовать проистекающий из плоти импульс неповиновения, который действовал на них как укоряющее средство — наказание. Считалось, что потеря благодати распускала повиновение плоти душе, низшие силы переставали подчиняться душе через благодать, существующую в ней¹³.

О преступлении как таковом, то есть в современном понимании этого термина, в Средневековье речь еще не вели. Оно не оценивалось как проступок, направленный против полити-

¹¹ См.: J. de Ghellingk. *Le Mouvement Theologique du XIIe Siècle Etudes, Recherches et Documents*. Paris: Librairie Victor Legoffre J. Gabalda, Éditeur Rue Bonaparte, 90, 1914. P. 58–60.

¹² См.: Берман Г.Дж. *Западная традиция права: эпоха формирования* / Пер. с англ. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1998. С. 174–175, 178.

¹³ См.: St. Thomas Aquinas. *The Summa Theologica*. Part I. QQ. LXXV. CII. London Burns Oates & Washbourne LTD. Publishers to the Holy See. P. 148, 318, 327.

ческого порядка или против общества в целом. На данном историческом этапе о преступлении говорили в основном в двух смыслах. Во-первых, как о проступке, совершенном против жертвы и близко связанных с ней лиц. Во-вторых, как о грехе, который различными церковными течениями толковался по-разному. Либо как падшее состояние души человека, либо как неповиновение Богу, за которое человек должен быть наказан непослушанием тех существ, которые должны быть ему подчинены. Поэтому в состоянии невинности, пока человек не ослушался, ничто не ослушалось его, что естественно подчинялось ему. Вопросами о преступности деяний и критериях их оценки в качестве таковых в те времена не задавались. Предводители церкви в этом деле полагались на Моисеевы заповеди. Ересь относилась к первой и второй заповедям, прелюбодеяние и лжесвидетельство считались церковными преступлениями. При этом церковь допускала сотрудничество со светскими властями с целью применения более сурового наказания в случае обнаружения отягчающих обстоятельств или повторного совершения злодеяний. В то же время она учила, что убийство и грабеж, с их различными модификациями, находятся под юрисдикцией гражданских правителей.

Каждый из отмеченных периодов внес весомый вклад в историю становления философии уголовного права. При этом расцвет философской мысли, интересующейся основами исследуемой отрасли права, был достигнут, как известно, в эпоху Просвещения. На *Новое время* приходится приложение значительных интеллектуальных усилий по обобщению накопленного за тысячелетия опыта и его институционализации. Появилась возможность говорить уже не столько об отдельных явлениях уголовного права, сколько о нем как о самостоятельной отрасли права, учебной дисциплине и области науки.

Вслед за объективацией уголовного права как отрасли о своей наличности заявила и философия уголовного права. XVIII в. отмечен выходом в 1764 г. уже упомянутой здесь работы Ч. Беккариа (1738–1794) «О преступлениях и наказаниях»¹⁴, которая как по своим внешним атрибутам, так и по внутреннему содержанию является прежде всего философским произведением. Во-первых, ее автора назвали «апостолом человечности», а к правоведом относили только при случае и по мере необходимости. Во-вторых, сам мыслитель свой труд определял как «политический догмат, в который народы должны верить и который высшие власти должны исповедовать путем непреложного следования законам». В-третьих,

современники Беккариа называли идеи его произведения «откровением свыше и пророчеством будущего», то есть видели в нем те качества, которые юридическим текстам несвойственны. И, в-четвертых, свою главную цель автор видел в изменении табуированного средневековым мировоззрением европейского общества, гуманизацией которого до сих пор занимаются по предложенным им стандартам.

Тему поддержали и внесли существенный вклад в ее развитие немецкие философы — столпы и вдохновители эпохи Просвещения: профессор логики и метафизики Кенингсбергского университета И. Кант (1724–1804) как основоположник трансцендентального идеализма и профессор философии Йенского, Гейдельбергского и Берлинского университетов Г. Гегель (1770–1831) как родоначальник абсолютного идеализма.

Про отношение И. Канта к праву известно многое. Основным источником знаний о его взглядах на право служит вышедшая в 1785 г. «Метафизика нравов». Из этого труда и других произведений мыслителя следует, что вся его философия права была подчинена двум вещам. Речь идет, как удачно в свое время выразился профессор Тасманского университета Австралии Моррис Миллер (1881–1964), о навсегда поразившем Канта и вызывавшем у него трепет восхищения — «звездном небе над нами и нравственном законе внутри нас», которые он тесно связал с осознанием своего собственного существования. Первое относилось к миру чувств и указывало на ограниченность человека в масштабах пространственной необъятности и неограниченного круговорота движения. Второй свидетельствовал о наличии невидимой области Я, раскрывал нравственную силу и бесконечное величие личности. Естественная философия заставила мыслителя признать важность неуклонного развития миропорядка, которому человек не мог противостоять. Но в то же время непоколебимая вера в высокую моральную ценность личности заставила его попытаться открыть разумную основу личной свободы, несмотря на, казалось бы, непреодолимое наступление физической необходимости¹⁵.

По мнению знатоков кантовской философии, мыслителю хватило сил справиться с дуализмом витального и духовного в человеке, устоять на изломе его природной и разумной составляющих. Для этого им был выработан категорический императив как постулат, не требующий опытного доказательства, или, другими словами, моральный закон как высший принцип права. Его существование не требует

¹⁴ См.: Beccaria C. Dei delitti e delle pene. F. Sanvito, 1858.

¹⁵ См.: Miller, Morris. Moral Action and Natural Law in Kant, and some developments. George Robertson & Company Propy. Ltd., Melbourne, Sydney, Adelaide and Brisbane. 1911. P. 7–8.

подтверждения, поскольку он укоренен в сознании человека и имеет своим источником разум, является такой же постоянной бытия индивидуума как пространство и время. Принцип обращен к человеку как к своему единственному субъекту, действует в нем как требование «ты должен» и является для него абсолютным обязательством. Согласно императиву, личный выбор каждого должен гармонизировать, а не резонировать с законом всеобщей свободы, то есть действовать так, чтобы использование свободы одним не могло ограничивать свободу любого другого. До тех пор пока свободы выбора одного и другого будут совместимы друг с другом, согласно универсальному закону, они будут считаться правильными и справедливыми.

Об отношении И. Канта к уголовному праву и к его основным категориям в литературе упоминается нечасто. Хотя в ряде источников утверждается, что философ создал собственную теорию уголовного права. Однако в его «Метафизике нравов» («*Die Metaphysik der Sitten*») этому утверждению доказательств не имеется. В наличии множество размышлений о наказании, но рассуждений о нем как о сугубо уголовно-правовом явлении немного. То же самое касается преступления. В названном произведении оно упоминается несколько раз. Мыслитель высказался о преступлении как о явлении, которое берет свое начало от перевернутого господства страстей и appetitов над разумом. Еще говорил о преступлении как о пароксизме, от которого здравомыслящая часть человечества пребывает в ужасе.

Однако несомненным является то, что все наработки мыслителя по вычленению в бытии человека и определению категорического императива применимы к уголовному праву. Когда знакомишься с его значением как безусловным дозволением или недозволением («запрещающим законом»), закрадывается сомнение в заверениях Канта о том, что идея об императиве является продуктом его сугубо априорных размышлений. Из-за высокого уровня схожести возникает твердое убеждение, что при описании императива философ ориентировался именно на уголовно-правовой запрет, который, как правило, не терпит каких-либо условностей, мыслит и воспрещает поступок «не опосредованно через представление о цели, к которой поступок может привести, а только через одно лишь представление о самом поступке». Что касается разработки таких категорий, как «воля» и «произвол», то идеи мыслителя имеют прямое и, можно сказать, преимущественное отношение к уголовному праву, в котором от установления их качества как внутренней и внешней составляющей всякого деяния зависит исход любого уголовно-правового рассуждения и решения. Иные императивы в

философии И. Канта не отнесены к числу категорических, поскольку по своей сути весьма условны и утилитарны, выполняют лишь функцию повелений или предписаний.

Уголовное право в его чистом виде, то есть как понятие, обращенное к практике, отвечает статусу категорического императива. Используя пример самого мыслителя, можно сказать, что право, рассматриваемое как метанорма, нужно и тому, кто проиграл в игре, для того чтобы он смог выразить недовольство своей неосторожностью и недостатком мастерства. И тому, кто выиграл в игре, для понимания им, что его победа является результатом обмана. Для возникновения в последнем чувства презрения к себе, принуждения сказать самому себе: я ничтожен и злодей, хотя и богатый, для оценки своего поведения как несоответствующего нравственному закону¹⁶.

Со второй половины XIX в. специалисты уже активно ведут речь о философии уголовного права как о самостоятельной научной дисциплине. Одним из первых примеров служит монография французского философа, профессора Университета Сорбонны Адольфа Франка (1809–1893), которая вышла в 1868 г. под названием «Философия уголовного права в популярном изложении». Исходя из ее несложной структуры, состоящей из трех частей, можно сделать вывод о том, что состав исследуемой дисциплины образуют вопросы наказания и преступления. При этом цель и предмет философского интереса к уголовному праву автор не отождествлял с толкованием или объяснением писанного закона. Свода уголовных правил он касался единственно только для того, чтобы подвергнуть их контролю с позиции вечного закона, который является одним и тем же как для Афин, так и для Рима. Текст вечного закона, по идее мыслителя, существует только в божественном разуме и в сознании рода человеческого. Без них законодательство будет творением страстей и произвола, орудием угнетения и ненависти.

К предмету своего интереса Франк также не относил сбор и сравнение между собою уголовных законов, существовавших у различных народов Земли. Элементарная историография, по его мнению, если она не подчинена более возвышенной мысли — к примеру, поиску и оценке уровня торжества права над силой, разума над страстями, справедливости над местью и дикими животными инстинктами, цивилизации над варварством, — не может представить ничего другого, как только картину ужасов, жестокосердия, насилий и преступлений, еще более гнусных, чем те, которые эти законы желали истребить, преступлений, позорящих человечество.

¹⁶ См.: Kant I. *The Metaphysic of Ethics*. Translated by J.W. Jsemple, Advocate. Third Edition. Edinburgh: T.&T. Clark, 38 George Street. 1871. P. 104–105, 177–179, 199.

Философия уголовного права должна быть посвящена только тому, чтобы найти начала, на которых основывается или должно основываться уголовное правосудие, и правила, которым оно должно следовать, исполняя свою печальную миссию. Поскольку философия уголовного права должна, по идее мыслителя, заниматься поиском в человеческом сознании или в самой природе вещей неизменных основ для социальной жизни и ее законов, он воспринимал ее в качестве части общей философии. Ни в одной отрасли человеческого знания не переплетаются между собой более прямым образом, чем в ней, права частных лиц и права общества, его спокойствие, мир и достоинство, и даже сама нравственность, или, по крайней мере, общественная совесть, без которой нравственность не осуществима на Земле, отмечал Франк.

Без нравственных начал невозможно представить, тем более учреждать и исполнять, писал философ, уголовное законодательство. Именно с ними он ассоциировал часто упоминаемые и отыскиваемые им в последующих текстах «твердые начала», без которых сложно найти и достоверно определить в законе в качестве осязаемой и достигаемой цель всего общества во всей его целостности. То есть установить пределы закона, который без общей цели может превратиться либо в «орудие угнетения граждан», либо в инструмент «крайней снисходительности». Без твердых начал, считал мыслитель, мы в первом случае снизойдем до преследования за всякого рода безнравственности. Во втором случае — к лишению общества всех его средств к защите, обезоруживанию правосудия и ослаблению закона. Порок и преступление, уверенные в том, что они везде найдут снисхождение, и покровительство, поднимут голову. Как писал Франк, общественный порядок, — сама нравственность, общественная совесть будут находиться в опасности, а уголовное правосудие — развращаться и разрушаться¹⁷.

В начале XX в., то есть на исходе Нового времени, европейская мысль нашла наиболее развернутое отражение в работе «*La philosophie pénale*» («Философия наказания») — французского социолога, одного из основателей субъективно-психологического направления — Жана Габриеля Тарда (1843–1904). Он, как отмечал американский криминолог Роберт Х. Голт, рассматривал философию уголовного права как часть моральной философии. Для определения степени ответственности человека за свое поведение Тард занимался осмыслением наполняющих отмеченную отрасль явлений и закономерностей сквозь учения о детерминизме и индетерми-

низме. Признавал, что на индивида оказывают влияние тысячи природных и социальных сил, и каждая из них состоит в причинной связи либо с модификацией его физиологического состояния, либо с выполнением им какого-либо действия. При этом не разделял позицию «крайних детерминистов» о том, что человек является безвольным существом. Обращал внимание на его сознание, которое неравномерно вовлечено в окружающие процессы, а поэтому не всегда и не во всем подвержено их определяющему влиянию. За счет разного уровня посвященности в круговорот событий индивид сохраняет за собой некоторую автономию от них и право на вариативность в своем поведении.

В итоге Тард предлагал примирить воззрения о детерминизме и о свободе выбора для выведения и сохранения адекватного понятия об ответственности. В качестве варианта их синтеза выдвигал идею о так называемом психологическом стандарте как о постоянном и устойчивом элементе любой причинно-следственной связи. Согласно этому стандарту, степень ответственности человека, в том числе уголовной, определяется исходя из уровня идентичности личности, то есть сохранения контроля над своей самостью, и из наличия социального согласия относительно правил поведения¹⁸.

Не менее знаковым событием, приходящимся на эпоху Просвещения, стало выделение из общеевропейского процесса осмысления права самостоятельного направления, которое в те же времена было названо специалистами англо-американской философией права. Ее лучшими представителями, обеспечившими эволюционный переход философско-правовой мысли из Нового в Новейшее время, признаны:

– основатель социологии права и юридической антропологии, профессор Кембриджского и Оксфордского университетов Генри Джеймс Самнер Мэн (1822–1888), историко-правовые исследования которого послужили добротным подспорьем для многих философских размышлений и трактатов. Помимо права в целом и сравнения различных правовых культур в частности, Мэн значительное внимание уделил изучению процессов зарождения и эволюции уголовного права, поиску древних источников его происхождения и сравнению с современностью. Дал почву для выдвижения концепций о природе преступления и наказания, уголовного права как самостоятельной отрасли права.

Одним из первых коснулся соотношения гражданской и уголовной части в древнем пра-

¹⁷ См.: Франк А. Философия уголовного права в популярном изложении. СПб., 1868. С. 5–9.

¹⁸ См.: Tarde G. Penal Philosophy. Boston. Little, Brown, and Company. 1912. P. 69–71.

ве. После анализа различных правовых систем пришел к выводу о том, то доля одного и другого зависела от уровня развития соответствующего общества. В целом же, как отмечал Мэн, удел уголовного и гражданского в праве чрезвычайно различен. В древнегерманском праве, к примеру, гражданская часть имела незначительные размеры. Мэн объяснял такое соотношение отраслей права архаичностью обществ, в которых цивилистика не могла развиваться, поскольку считалось, что жена не имеет каких-либо прав против своего мужа, а сын не может выступить против отца, дети против матери. Гражданского оборота как такового и обслуживающей его системы контрактов не было, так как земля и товары предавались внутри семьи или небольших общин. В силу незрелости нравственных понятий, от развитости которых напрямую зависит контрактное право, договоры заменялись клятвами. В итоге получалось, как писал антрополог, что в примитивной юриспруденции уголовному закону отдавался приоритет. В небольшом ряде других правовых пространств способам исправления девиантного поведения отводилось меньше места, чем деликтам. Краткость уголовных частей в значительной степени объяснялась высоким уровнем насилия, привычным для общин.

Однако желание прийти к таким выводам, признавал Мэн, возникает только при первом приближении к источникам древнего права. На самом деле проверка древних кодексов показала, что в действительности уголовное право не имело приоритета в законах отмеченных времен. Еще одно наблюдение связано с выводом о том, что действующие в настоящее время уголовные законы не похожи на свои аналоги из древних эпох. И одно, и другое наблюдение он объяснил тем, что деяния, которые мы привыкли рассматривать исключительно как преступления, рассценивались ранее только как деликты, в их числе — воровство, насильственное ограбление, за совершение которых потерпевшему полагались денежные выплаты. Эта особенность, отмечал историк, наиболее ярко выражена в сводных законах германских племен. Они содержат огромную систему денежных компенсаций за убийство и другие преступления. Схожие положения он находит в англосаксонском праве, где сумма вознаграждения полагалась за жизнь каждого свободного человека, а ее размер определялся согласно его социальному рангу или исходя из тяжести причиненной ему травмы и других случайных обстоятельств. При этом виновные лица преследовались не по уголовному закону (*Law of Crime*), а по деликтному праву (*Law of Tort*), применяемому в случаях наступления гражданской ответственности, не вытекающих из обязательств по договору.

Также Мэн обратил внимание на роль инсти-

тутов христианства, которые, по его оценке, на начальном этапе оказывали существенное влияние на становление уголовных запретов. Из древнегерманских сводов следует, что большинство норм сформулированы предводителями христианства и прямо или опосредованно связаны с религиозными правилами поведения. При этом нехристианские органы архаичного права также назначали уголовные наказания по определенным классам действий или упущений, которые нарушали божественные предписания и приказы. Таким образом, пишет антрополог, представления о преступлениях против Бога породило появление первого рода запретов. Представления о преступлениях против соседа произвели второй вид запретов.

Идея о преступлениях против государства или сообщества вначале не порождала подлинной уголовной юриспруденции. Более ощутимо она стала обозначаться в социальной практике с укреплением государственности. В качестве доказательства мыслителем приведена история Римской империи и системы ее законодательства, теория и практика которых оказали мощное воздействие на современное общество. Примером являются Законы двенадцати таблиц (451–450 г. до н.э.), созданные, как писал специалист, продвинутым и одаренным обществом Древнего Рима, гражданское право которого до сих пор не утрачивает своей актуальности. Не менее ценным является опыт развития уголовного правосудия, который уже в те времена позволил выдвинуть и сформулировать основные концепции своего построения, с успехом дошедшие до современности¹⁹.

– английский философ и социолог, один из родоначальников школы эволюционизма — Герберт Спенсер (1820–1903), естественнонаучные и гуманитарные взгляды которого нашли свое отражение в фундаментальных произведениях «Основные начала» и «Системы синтетической философии». Представления об уголовном праве и принципах его построения детально раскрыты мыслителем в работе «*Prison Ethics*» («Тюремная этика»), впервые опубликованной в 1860 г. в журнале «*British Quarterly Review*», ключевые положения которой в 1911 г. были воспроизведены в журнале — «*Journal of Criminal Law and Criminology*» под рубрикой «*Anglo-American Philosophies of Penal Law*» и уже под названием «*The Ethics of Punishment*» («Этика наказания»).

В силу своего искреннего интереса к наукам об обществе, философ рассматривал преступный мир с социологических позиций. По его мнению, вид уголовно-правового режима напрямую свя-

¹⁹ См.: Maine Henry Sumner. *Ancient Law: Its Connection with the Early History of Society and Its Relation to Modern Ideas*. London: John Murray, Albemarle Street. 1897. P. 367–371, 391–395.

зан природой граждан, живущих под его началом. На этот счет мыслитель писал, «что народный характер, который требует строгой формы правления, также требует строгого уголовного кодекса. Когда люди слишком импульсивные или эгоистичные для свободных учреждений и недобросовестные, чтобы обходиться в своих взаимоотношениях без поддержания тиранических институтов, они являются гражданами, которые будут терпеть и, возможно, будут нуждаться в серьезных формах наказания». Для более цивилизованного общества, как говорил социолог, страха перед дисциплинарными наказаниями может оказаться достаточно. Но для менее цивилизованного народа могут потребоваться телесные наказания или даже причинение смерти.

К отмеченным наблюдениям мыслитель добавлял еще одну важную мысль. Он подчеркивал недостаточность понимания того, что социальные условия, порождающие жесткую форму правления, также порождают суровое возмездие. На основе обобщенного опыта различных народов, философ дополнил свою мысль указанием на то, что последнее является не только закономерным следствием, но и естественной необходимостью. «В таком социальном положении суровые меры наказания необходимы», писал Г. Спенсер.

Но главное достижение ученого нужно связывать не с обозначенными корреляциями, которые он без большого труда провел между нравами общества и строгостью уголовного закона. К числу его основных заслуг перед наукой уголовного права надлежит отнести постановку вопроса о методе, с помощью которого можно было бы с большой точностью определять, какие наказания оправданы, а какие несправедливы. При поиске ответа на заявленный вопрос он прежде разрешил проблемы методологического плана, которые не учитывались другими специалистами и приводили их к грубым ошибкам. В частности, предложил рассматривать институт наказания с позиции двух антагонистически настроенных друг против друга теорий морали — априорной и апостериорной, поскольку каждая из них по отдельности являлась одновременно правильной и ошибочной. Общие причины наказания могли быть выявлены при условии понимания того, что этика непосредственного опыта должна быть подкреплена абстрактной этикой. Комплексные оценки относительной целесообразности, настаивал философ, не могут обойтись без подсказки, обеспечиваемой простыми выводами абсолютной целесообразности²⁰.

— профессор шотландского университета в Глазго Уильям Гэлбрейт Миллер (1848–1904), который предлагал отличать понятие «наука

права» от «философии права». Если первое, по его мнению, отвечает за организацию правовой жизни и должно соответствовать ее нуждам, то второе востребовано человеческим разумом, который отказывается ограничивать себя только прикладными представлениями о праве. Требует получения ответов на вопросы более высокого порядка, в том числе о происхождении права, его отличии от закона, а также о том, является ли оно рукотворным изобретением человека или откровением Бога. Философия права, по Миллеру, должна понять мир таким, каков он есть, а не пытаться сделать его лучше. Она призвана исследовать и получить знание ради самого знания, а не стремиться добыть его ради удовлетворения каких-либо нужд.

Через углубление в историю Древнего Рима и наиболее ранние памятники англосаксонского права мыслитель обратил внимание и на процесс зарождения уголовно-правовых норм, становление и эволюцию уголовного закона. Миллер отметил, что на первоначальном этапе законы совмещали в себе как гражданские, так и уголовные запреты, при этом разница между ними не проводилась. На исходе древних времен признаки зарождения уголовного права обозначались уже более выразительно. С современных позиций просматривается, что многие действия, которые мы называем преступлениями, тогда рассматривались только как гражданские деликты, писал мыслитель. На основе этих наблюдений исследователь проводил мысль о том, что представления о преступном в социуме зависят от его представлений о справедливом²¹.

— декан юридического факультета Гарвардского университета, основатель американской школы практической философии Натан Роско Паунд (1870–1964), который, как и его предшественники И. Бенгам (1748–1832), Р. Йеринг (1818–1892) и Р. Штамлер (1856–1938), критически относился к разработанному в предыдущие времена методологическому наследию. Прежде всего, к школе естественного права, а также к историческим, метафизическим и аналитическим подходам к нему. Считал, что они исчерпали себя, поскольку, с одной стороны, указывали на самодостаточность права и правовой науки, а с другой — не справились с новыми социальными вызовами и потребностями. Предложил рассматривать право с позиции конфликта существующих в обществе интересов и оценивать его как эффективный инструмент социального контроля. При этом не соглашался с традиционным пониманием закона как свода правил. Каким бы совершенным он ни был, Паунд воспринимал его как

²⁰ См.: Spencer H. Anglo-American Philosophies of Penal Law, 1 J. Am. Inst. Crim. L. & Criminology 862 (May 1910 to March 1911). P. 862–869.

²¹ См.: Miller W.G. Lectures on the Philosophy of Law, Designed Mainly as an Introduction to the Study of International Law. London: Charles Griffin and Company, Exeter Street, Strand. 1884. P. 48, 90–95.

негибкое и отвлеченное от реальности правовое средство. В этой связи предлагал отличать «право в книгах» от «права в действии». Отстаивал позицию о том, что подлинное право совершает не законодатель, а правоприменитель. Только последний, по Паунду, как отмечал Джеймс Гарднер, способен упорядочить человеческое поведение через наибольшее удовлетворение социальных потребностей (претензий и требований) с наименьшими потерями и издержками. Поэтому включал в понятие закона не только правовые принципы и юридические стандарты, но и доктрины, правосознание, профессиональное мастерство и искусство²².

При раскрытии своей социологической концепции права Паунд немалое внимание уделил уголовному праву. Наиболее развернуто результаты его исследовательского интереса к отрасли представлены в работе «*An Introduction to the Philosophy of Law*» («Введение в социологию права»), в которой правовед рассмотрел действующие уголовно-правовые механизмы как наиболее явное и исчерпывающее доказательство существования на практике «социальной инженерии». Речь идет о сложном механизме уголовного преследования, включающем в себя широкий состав участников (полицейских, следователей, прокуроров, судей и других администраторов) и серию этапов, на каждом из которых они занимаются индивидуализацией закона, то есть по своему усмотрению оценивают установленные факты для привлечения либо освобождения лица от ответственности или применения к нему обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание. Таким способом, как отмечал Р. Паунд, правовая система достигает справедливости и избегает негативных последствий от механического наложения наказания на совершенное преступление. При этом правовед отмечал, что подобного рода процедуры характерны только для тех отраслей, которые имеют дело с определением нравственного качества индивидуального поведения. К коллизиям гражданского порядка принцип индивидуализации имеет отношение в меньшей степени²³.

– заведующий кафедрой юриспруденции Оксфордского университета Герберт Харт (1907–1992), наиболее известную работу которого «*The Concept of Law*» («Понятие права») исследователи относят к числу самых важных произведений в области аналитической юриспруденции и правового позитивизма²⁴. В ней автор рассмотрел

действующую в Англии систему права и все многообразие основанных на ней законов. По итогам критически отнесся к общепринятой классификации нормативных актов на те, которые наделяют полномочиями действовать частных лиц, для того чтобы они могли составить завещание, заключить договор или брак, и на те, которые дают соответствующие полномочия должностным лицам, например судьям, министрам либо органам местного самоуправления. Выказал и обосновал мнение о том, что лучшим критерием для разграничения законов выступает социальная функция, которую выполняет правовой акт. С ее помощью можно наиболее отчетливо рассматривать существующие между законами сходства и отличия.

Отдельное внимание Харт уделил уголовному праву. Это право он определил как ту отрасль, которой «мы либо подчиняемся, либо не подчиняемся как должному». Если не повинемся, то считается, что нарушаем закон и совершаем преступление. В этом плане социальная функция уголовного закона состоит в определении видов поведения, которые не следует совершать, а к совершившим он подлежит применению независимо от их желания. Наказание или санкция, которая реализуется в этом случае законом, предназначены для обеспечения воздержания лица от запрещенной деятельности.

Между уголовным уставом и другими законами, как отмечал правовед, есть некоторая аналогия. Последние также обеспечены угрозами, или, иначе, средствами компенсации за вред, причиненный неисполнением обязательств, которые часто воспринимаются в качестве санкций. Однако с позиции социальной функции обнаруживается, что отмеченная аналогия носит весьма условный характер. На деле отмеченные группы законов выполняют разные функции. Правовые нормы, предусматривающие порядок заключения договоров, завещаний или браков, не требуют, чтобы люди действовали определенными способами, хотя бы того или нет. Такие законы не налагают обязанностей или обязательств. Вместо этого они, по Харту, предоставляют своим субъектам возможность для самореализации и необходимую для этого юридическую среду. Игнорирование предусмотренных для выполнения названных действий правил не является ни нарушением, ни преступлением. Единственным последствием отмеченного пренебрежения станет юридическая ничтожность совершенного акта или произошедшего события.

Правила уголовного права другого порядка. Они идентифицируются и отличаются двумя признаками: предписанием определенного типа поведения, который запрещает его норма

²² См.: Gardner J. A. The Sociological Jurisprudence of Roscoe Pound (Part I), 7 Villanova Law Review. 1 (1961). P. 9–11.

²³ См.: Pound R. An Introduction to the Philosophy of Law. Yale University Press in New Haven, Ct. 1922.

²⁴ См.: Robert S. Summers. Professor H. L. A. Hart's Concept of Law; Simpson, A.W. Brian (2011). Reflections on 'The Concept

of Law'. Oxford University Press. P. 1.

ми, и санкцией, препятствующей его совершению. В этом смысле правила уголовного закона отличаются своей самодостаточностью, так как не нуждаются в смысловом дополнении и подкреплении санкциями других отраслей законодательства²⁵.

Процесс обособления от континентального подхода также коснулся философии рассматриваемой отрасли права. К числу родоначальников, стоявших у истоков англо-американской философии уголовного права, следует отнести:

– американского государственного деятеля, профессора Кенъонского колледжа и Колумбийского университета Фрэнсиса Уортона (1820–1889), авторству которого принадлежит наиболее ранний трактат по философии уголовного права, всецело посвященный системному осмыслению названной отрасли науки.

В работе «*Philosophy of Criminal Law*» («Философия уголовного права») ученый специально не сосредотачивался на определении и раскрытии названия его монографии. Сразу перешел к рассмотрению различных теорий наказания и к попытке найти в них ответ на вопрос о том, какую цель преследует государство в наказании. С обсуждением соответствующих концепций, кстати говоря, Уортон связал базовые основания уголовной юриспруденции. Что-то похожее на то, как он понимал предназначение философии права можно найти в одной из первых сносок, в которой очень кратко и своеобразно она определена как дисциплина, относящаяся к исключительной сфере законодательной деятельности. По дальнейшим рассуждениям автора можно сказать, что ее компетенцию он усматривал в истолковании значений и вскрытии смыслов законодательных актов. При этом их понимание, по идее мыслителя, должно основываться на обнаружении буквального значения соответствующих норм, затем — намерений, которыми руководствовался законодатель, а также той правовой системы, на которой зиждется законодательство конкретного государства²⁶.

Что касается наказания и преступления, то этим терминам и явлениям Уортон уделил самое пристальное внимание. С них он собственно начал изложение своей философии уголовного права. По примеру известного немецкого криминалиста и профессора Берлинского университета А.Ф. Бернера (1818–1907), наказание он рассмотрел с позиции относительных и абсолютных теорий, которые пытались усмотреть его цель в воспрепятствовании и предотвращении преступной

деятельности, самозащите общества, перевоспитании преступника либо в акте карательного правосудия. При этом исследовал недостатки каждого из названных взглядов. Особенно обратил внимание на такую, казалось бы, приоритетную цель наказания как перевоспитание правонарушителя. Отметил, что средствами уголовного правосудия не под силу изменить отчаянных или неисправимых деятелей, проникнуть в те ниши человеческого сознания, на уровне которых формируется их личность и моральные качества. Это не входит в компетенцию государства. Оно не является ни семьей, ни церковью правонарушителя, напомнил философ²⁷.

– английского философа-идеалиста, главы школы абсолютного идеализма, почетного члена Британской академии — Фрэнсиса Герберта Брэдли (1846–1924), который вошел в историю благодаря своей работе «Явление и действительность». При этом полезность уголовно-правовой науке мыслитель принес через разработку философии ответственности. Наиболее полно его взгляды на уголовно-правовые закономерности нашли отражение в опубликованных в 1876 г. «*Ethical Studies*» («Этических исследованиях»)²⁸.

Перед обращением к основным категориям и явлениям уголовно-правового мира мыслитель внес ясность в методологию своего подхода. Обратил внимание на «простого человека» и предложил из его представлений, не отягощенных просвещенностью, черпать знания об ответственности и связанных с нею проявлениях. Поэтому Брэдли предостерегал не ожидать от него выведения ни закона, ни систематической метафизики. Считал нужным оставить вне поля зрения медленную историческую эволюцию рассматриваемой идеи. У нас есть одно дело — найти то, что лежит в уме обычного человека. Если мы, писал философ, хотим получить доступ к подлинному нравственному чувству, которое еще не было сфальсифицировано, мы не должны бояться оставить достигнувшую образованность позади себя. Мы обязаны обращаться к обычным лицам за обычной моралью, и в них находить то, что обычно теряем в тонких исследовательских поисках.

С отмеченных позиций мыслитель посвятил свою философию «необразованному человеку», а свои изыскания направил на выяснение того, что лежит в основе его представлений о моральной ответственности, насколько они согласуются с доктринами свободы и необходимости, а если противоречат друг другу, то он намеревался выявить точки их соприкосновения. В итоге обнаружил в природе человека «суд совести» как воображаемого судью, божественного или чело-

²⁵ См.: Hart H.L.A. The Concept of Law // Second Edition with a postscript edited by Penelope A. Bulloch and Joseph Raz. Oxford University Press, 1961. P. 26–28, 32, 34, 37.

²⁶ См.: Wharton F. Philosophy of Criminal Law. Philadelphia: Kay & Brother, 17 and 19 South Sixth Street. 1880. P. 1–2.

²⁷ См.: Ibid. P. 8–9.

²⁸ См.: Bradley F.H. Anglo-American Philosophies of Penal Law, 2 J. Am. Inst. Crim. L. & Criminology 186 (May 1911 to March 1912). P. 186–189.

веческого, внешнего или внутреннего. Он не обязательно подразумевает, что человек отвечает за все или за любые свои действия. Но предполагает, что ему, возможно, придется за них ответить. Он должен быть подчинен моральному трибуналу, или, как писал философ, моральный трибунал имеет право на человека, может призвать к ответу за любые его деяния и человек должен ответить, если призван, за все его дела. Поскольку индивид является объектом морали, то он не может отречься от своих поступков, которые его сердцем или его волей когда-либо были пережиты. Они все его, они составляют часть его сущности. Он не может поставить их на одну сторону, а сам встать на другой, и сказать: «Это не мое, я никогда этого не делал». Он есть то, что когда-либо делал. Человек должен объяснить все. По итогам индивид должен заплатить по долгам. При этом исследователь считал, что наказание выступает единственным способом сведения счетов. Наказание нам причитается, и поэтому нам назначается. Такова, по мысли философа, мораль обычного человека, поскольку она справедлива для обычной сознательности.

Продолжателями заложенных традиций стали: британский политический деятель, профессор Кембриджского университета Кенни Кортни Станхоуп (1847–1930), перу которого принадлежит «*Outlines of Criminal Law*» («Основы уголовного права») ²⁹, а также профессор Университета Джона Хопкинса, сооснователь и первый президент Американской ассоциации политических наук — Уэстел Вудбери Уиллоуби (1867–1945), приложивший значительные усилия к разработке положений о «карательном правосудии», опубликованных в 1900 году в его работе «*Social Justice*» («Социальная справедливость») ³⁰.

Не менее весомый вклад в развитие философии уголовного права внесли профессора Северо-Западного университета США Альберт Коцюрек (1875–1952) и Джон Генри Вигмор (1863–), под руководством которых группой авторитетных специалистов того времени из Соединенных Штатов Америки, Британии, Шотландии и других стран было подготовлено и издано получившее широкое признание произведение под названием: «*Evolution of Law*» («Эволюция права»). Одной из ценнейших частей монографии стал раздел, посвященный эволюции уголовного права. Его соавторы — ирландский политик, Генеральный прокурор Ирландии Ричард Р. Черри (1859–1923), британский теоретик и социолог, идеолог социального либерализма Л.Т. Хобхаус (1864–1929), доктор философии, заведующий

кафедрой социологии и антропологии Чикагского университета Элсворт Фарис (1874–1953) — исследовали вопросы, связанные с зарождением уголовного права, примитивными формами его проявления, дальнейшим развитием уголовной юстиции, а также происхождением наказания ³¹.

В *Новейшее время* внимание философии к уголовно-правовой реальности ослаблено не было. Напротив. Начало периода отмечено активизацией и консолидацией усилий по познанию криминальной реальности. Одним из оснований для этого послужил наметившийся и особенно проявивший себя на исходе Нового времени рост критических оценок результативности философского осмысления уголовно-правового бытия. Частные взгляды и усилия отдельных специалистов по его познанию уже не удовлетворяли научную общественность. В итоге как на европейском, так и на англо-американском направлениях обозначились четкие предпосылки к институционализации исследовательского интереса к философии права в целом и философии уголовного права в частности.

Наиболее часто отрицательные характеристики уровня развития философии права встречаются в работах представителей англо-американской школы, вышедших в свет на пороге XIX–XX вв. Одно из таких критических суждений принадлежит Уильяму Г. Миллеру, который в своих лекциях по философии права прямо заявил о неразвитости этой дисциплины в Англии ³². Но есть и другие примеры, на фоне которых просматривается, что аналогичные оценки разделялись более широкими научными кругами, а интерес к дисциплине подталкивал их к кооперации.

Скопление критической массы раньше всего дало себя знать на англо-американском направлении. Нехватка знаний о достижениях в названной области науки и, одновременно, нарастающее осознание социального значения уголовного права как чувствительного средства общественного регулирования привела к созыву и проведению в июне 1909 г. Национальной конференции по уголовному праву и криминологии, состоявшейся в Чикаго на базе Северо-Западного университета США. Одним из главных ее итогов стало понимание и признание научным сообществом того, что уголовные или исправительные меры не могут быть неизбирательными и механистичными. Они должны быть адаптированы

²⁹ См.: Kenny C.S. *Outlines of Criminal Law*. London: Macmillan & Ltd. 1907.

³⁰ См.: Westel Woodbury Willoughby, *Anglo-American Philosophies of Penal Law*, 1 J. Am. Inst. Crim. L. & Criminology 354 (May 1910 to March 1911).

³¹ См.: Kocourek A., Wigmore J.H. *Evolution of Law: select readings on the origin and development of legal institutions*. Volume II. Primitive and Ancient Legal Institutions. Boston. Little, Brown, and Company. 1915.

³² См.: Miller W.G. *Lectures on the Philosophy of Law*, designed mainly as an introduction to the study of international law. London: Charles Griffin and Company, Exeter Street, Strand. 1884. P. 4.

к причинам каждого преступления и к человеку, ставшему их заложником.

По свидетельству Тарда, немалым толчком к осознанию той истины, что всякое уголовно-правовое воздействие должно быть максимально индивидуализировано применительно к человеку и к совершенному им преступлению, послужила медицина. В ней продолжительное время подразумевалось, что болезни посылаются непостижимой волей Бога и в качестве основного средства излечения от наиболее распространенных разновидностей заболеваний использовалась процедура кровопускания. Со временем все эти представления медицинской науки были признаны архаическими и оставлены в прошлом. В медицине сформировалось и утвердилось мнение о том, что индивидуализация болезни в причине и в лечении является доминирующей истиной современной медицинской науки.

Работа с естественными науками подтолкнула участников конференции еще к одному наблюдению. Они отметили, что юриспруденция существенно отстает от уровня их развития. Притом, что эти науки призваны способствовать достижению правом своих конечных целей. Но общественность в целом и специалисты в частности либо оставались в неведении относительно результатов технического прогресса, либо проявляли безразличие ко всему научному движению. И это невежество или безразличие, как отмечал Тард, блокировало путь к прогрессу в управлении общественными процессами³³.

В итоге осознание отмеченной истины потребовало пересмотра целого ряда ключевых положений уголовного права, а также поиска и изучения всех возможных данных, которые могут прояснять происхождение преступления и круг факторов, приводящих к его совершению, — наследственность человека, физические и нравственные характеристики индивида, его психоэмоциональный темперамент, окружение личности и другие условия жизнедеятельности на различных этапах ее формирования. Одним словом, выяснению подлежали все влияющие на человека и его поведение обстоятельства.

Другим итогом конференции стало учреждение Американского института уголовного права и криминологии, который должен был способствовать достижению всех названных задач. Он был призван прививать изучение современной криминалистики в качестве насущной обязанности юристов и общества в целом.

Еще одна не менее важная задача состояла в организации Комитета по тщательному отбору и переводу на английский язык авторитетной иностранной литературы в области криминалистики,

в том числе философии уголовного права. Перед названным Комитетом ставилась цель выбрать те работы, которые наилучшим образом представляли различные школы и мысли, точки их соприкосновения и расхождения, общие результаты, наиболее полную палитру методов исследования, а также были полезны для уголовной науки США. Пристальное внимание уделялось тем источникам, в которых помимо традиционных — юридических — аспектов раскрывались еще философские, антропологические, психологические, социологические, статистические, экономические и даже медицинские составляющие уголовно-правового мира. Выбор пал на Европу (Францию, Германию, Италию), где, как считалось в те времена, наука более всего преуспела в названных направлениях. На сей счет в литературе отмечается, что если в Америке только приступали к постановке задачи, то в континентальных странах все отрасли науки, которые были полезны для юриспруденции, уже вовсю работали. Речь идет, прежде всего, о философии, антропологии, медицине, психологии, экономике, социологии, пенологии и т.д.

Помимо продвижения науки и теории, поиск литературы призван был решать еще одну задачу — служить добротным основанием для воспитания профессиональных кадров и общественного сознания путем распространения информации по этому вопросу, а также интеллектуальным базисом для совершенствования уголовного законодательства.

Во многом схожая конференция прошла в октябре 1909 г. в Берлине, на ней учредили функционирующую до сих пор Международную ассоциацию по философии права и социальной философии. Она призвана содействовать развитию дисциплин на национальном и международном уровнях. Ассоциация и ее национальные секции организуют проведение конгрессов, лекций и других мероприятий аналогичного плана. За долгие и успешные годы работы Ассоциация пришла на все континенты и стала по праву занимать центральное место в мире академических организаций по изучению и развитию юридической и социальной философии. В апреле 1983 года под предводительством Ассоциации на базе Университета Манчестера была проведена международная конференция, посвященная вопросам философии и уголовного права³⁴.

Руководителями ассоциации являлись известные ученые, в том числе Нил Маккормик (Шотландия), Энрико Паттаро (Италия), Евгений Бульгин (Аргентина), Мортимер Селлерс (США) и Ульффрид Нойманн (Германия), последний из которых, являясь по совместительству профес-

³³ См.: Tarde G. Penal Philosophy. Boston. Little, Brown, and Company. 1912. P. V-VI.

³⁴ См.: Philosophy and the Criminal Law // Association for Legal and Social Philosophy tenth annual conference at the University of Manchester, 8th-10th April 1983; edited by Antony Duff and Nigel Simmonds. Published 1984 by Steiner in Wiesbaden. Written in English.

сором Франкфуртского университета, активно занимается исследованием философских основ уголовного права. Одна из ключевых его работ посвящена поиску и описанию новых теорий преступности и наказания, в которой автор успешно реализовал свои знания в области онтологии и социологии права³⁵. Являясь одним из ведущих современных специалистов в исследуемой сфере на европейском континенте, Нойманн читает лекции по актуальным проблемам уголовного права и философии, а также возглавляет научный Фонд имени Густава Радбруха, который, в свою очередь, был основным модератором рассматриваемого направления на пороге XIX–XX вв.

Одной из последних европейских инициатив стало создание и учреждение в Брюсселе в июне 2010 года ведущими учеными мира Центра исследований международного права и политики (*The Centre for International Law Research and Policy — CILRAP*), который ставит перед собой задачу внести вклад в названные области научной и практической деятельности. Центр состоит из двух основных отделов — Форума по международному уголовному и гуманитарному праву (*Forum for International Criminal and Humanitarian Law — FICHL*) и Академического издательства (*Torkel Opsahl Academic EPublisher — TOAEP*).

Ключевой инициативой Центра стал запуск нового исследовательского проекта под названием «Философские основы международного уголовного права». Этот проект преследует цели: а) проведение анализа основополагающих концепций в области международного уголовного права, б) обеспечение корреляции между учениями ведущих философов права и концептами специалистов международного уголовного права, в) исследование потенциальных возможностей и пределов международного уголовного права.

Основанием для реализации названного проекта послужил нарастающий уровень напряженности в международных делах, а самое главное — понимание того, что унаследованная международная правовая система преимущественно сформирована в XVIII в., когда это право редко востребовалось и в основном рассматривалось в качестве средства урегулирования межгосударственных конфликтов. Вызовам современности отмеченное право и его теория не отвечают. Они нуждаются в пересмотре, обновлении и дополнении, поскольку, как отмечает директор CILRAP и профессор Пекинского университета права Мортен Бергсмо, прежнего понятийного аппарат недостаточно для отражения, диагностики и прогнозирования протекающих в мире процессов.

С учетом наметившихся тенденций авторы проекта предлагают сосредоточиться на ос-

новополагающих категориях, но, очевидно, не ограничиваться смысловыми значениями таких понятий, как «наказание», «ответственность», «возмездие», «психическое состояние», «намерение», «вред», «охраняемый законом интерес», «человечество», «целостность», «сдерживание», «предотвращение», «суверенитет» и т.д. Высказываются за восстановление, как пишет профессор Кембриджского университета Филипп Аллот, высокой социальной функции философии, которая пришла в упадок в западной традиции XX в., и с ее помощью вводить в социально-правовой оборот новые термины (к примеру, «примирение», «единство» и другие), а также разрабатывать механизмы по их реализации³⁶.

Центром также отстаивается позиция, чтобы специалисты при разработке философских основ международного права отталкивались — но ни в коем случае не ограничивались — от основополагающих концепций, разработанных еще Гуго Гроцием, Томасом Гоббсом, Эммерихом де Ваттелем, Иммануилом Кантом, Георгом Вильгельмом Фридрихом Гегелем, Джереми Бентамом, Джоном Стюартом Миллем, Рафаэлем Лемкиным, Ханной Арендт и Юргеном Хабермасом. Но помимо переосмысления идей мыслителей, философия современного международного уголовного права должна искать ответы на вопросы о том, должна ли эта отрасль права становиться общей для всего человечества? Выходить за рамки проступка в условиях вооруженных конфликтов и других подобных чрезвычайных ситуациях? Касаться случаев причинения серьезного вреда, к примеру, окружающей среде, общественному здоровью или финансовым рынкам? Имеет ли международное уголовное право в настоящее время рудиментарные формы прошлого и в состоянии ли оно защищать новые ценности современного мира? Подразумевают ли онтологические основы международного уголовного права общее исполнение и еще более обязательные юрисдикционные механизмы, чем те, которые уже возложены на Международный уголовный суд?

Процесс институализации философии права и уголовного права получил продолжение в учреждении отраслевых периодических изданий. На XX в. приходится выпуск в свет таких журналов, как «*Journal of Criminal Law & Criminology*» в 1909 г., «*The Oxford Journal of Legal Studies*» в 1981 г., «*Law and Philosophy*» в 1982 г., «*The Journal of Moral Philosophy*» в 2004 г., в каждом из которых значительное внимание уделялось междисциплинарным исследованиям и философии уголовного права в частности.

Благодаря отмеченным изданиям, особенно «*Journal of Criminal Law & Criminology*», современному поколению представляется возможным

³⁵ См.: Neumann U., Schroth U. *Neuere Theorien von Kriminalität und Strafe*: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1980. X, 173 S.

³⁶ См.: Allot Ph. *How to Make a Better World: Human Power and Human Weakness* // FICHL Policy Brief Series. 2016. № 75.

ознакомиться с трудами и взглядами на философские проблемы уголовного права таких мыслителей, как Джон Хопкинс, Уэстел Вудбери Уиллоуби, Фрэнсис Брэдли и Герберт Спенсера

В 2007 г. одним из авторитетнейших немецких издательств «Шпрингер» учрежден специализированный международный журнал по вопросам философии преступления, уголовного права и наказания — «*Criminal Law and Philosophy*». Издание публикует статьи, в которых с философской точки зрения рассматриваются вопросы по всему спектру уголовного права, наказания и правосудия. При этом, по идее издателя, философия уголовного права в настоящее время переживает свой ренессанс, и появление такого журнала призвано восполнить пробел в научной литературе по рассматриваемой тематике.

В начале XXI в. высокий темп кооперации на континентальном и англо-американском направлениях продолжил наращиваться. Этот процесс в основном проявился на уровне издания коллективных монографий, которые включают в себя авторов различных континентов мира и из разных систем права.

Одним из примеров служит Оксфордский справочник по юриспруденции и философии права («*The Oxford Handbook of Jurisprudence and Philosophy of Law*»), вышедший в свет в 2004 г. под редакцией Джулса Л. Кольмана — профессора права и философии Йельского университета, Кеннета Эйнара Химма — преподавателя философии Университета Вашингтона, и Скотта Шапиро — профессора права Университета Иешива³⁷. Соавторы сборника уделили самое серьезное внимание основам естественного права, рассмотрев его с позиций как классических теорий, так и современных практик. Исследованию также подвергся юридический позитивизм. Но помимо общеправовых тем значительный интерес в справочнике проявлен к философии отраслей права. Вопросы философии общего права рассмотрены профессором Университета Северной Королины Джеральдом Постемой, философии частного права — профессором Фордхэмского университета Бенджамином Зипарским, философии деликтного права — профессором Университета Торонто Артуром Рипстейном, философии договорного права — профессором Университета Вирджинии Джоди Краусом, философии собственности — профессором Гарвардского университета Питером Бенсеном, философии международного права — профессорами Нью-Йоркского университета Дэвидом Голове и Алленом Бучананом.

Ключевые проблемы философии уголовного права в названном справочнике раскрыл профес-

сор Университета Сан-Диего Ларри Александр. В своем эссе автор почти полностью ассоциировал основные вопросы философии уголовного права с правом наказания, с теорией и историей его становления. Предельные основания отмеченного права сведены к трем концепциям наказания, в которых оно рассмотрено с позиции ретрибутивизма, консеквенциализма и опасности. Далее в справочнике уделено внимание причинам наказания, обсуждены вопросы уголовной ответственности за бездействие и обоснована необходимость построения общей нормативной теории уголовного права³⁸.

В качестве более специализированного примера можно привести вышедший в свет в 2011 году Оксфордский справочник по философии уголовного права («*The Oxford Handbook of Philosophy of Criminal Law*»), редакторами которого явились Джон Деиж — профессор права и философии Университета штата Техас в Остине, и Дэвид Далинко — профессор права Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе³⁹. Справочник содержит очерки, написанные учеными с международной репутацией. Его соавторами являются Джеральд Дворкин (США, Университет Калифорнии), Леонард Самнер (Канада, Университет Торонто), Митчелл Берман (США, Университет Пенсильвании), Дуглас Гусак (США, Университет Рутгерса), Эндрю Эшворт (Великобритания, Оксфордский университет), Кристофер Куц (США, Университет Калифорнии), Майкл Мур (США, Университет штата Иллинойса), Ларри Александр (США, Университет Сан-Диего), Кимберли Кесслер Ферзан (США, Университет Верджинии), Джошуа Дресслер (США, Университет Огайо), Уолтер Синнотт Армстронг (США, Университет Дьюка), Марсия Барон (США, Университет штата Индиана), Кэрол Стэйкер (США, Гарвардский университет), Энтони Дафф (Великобритания, Университет Стирлинга), Стивен Гарви (Великобритания, Университет Ковентри).

Справочник признан первым всеобъемлющим изданием по философии уголовного права. Он содержит семнадцать оригинальных эссе ведущих мыслителей в рассматриваемой области и охватывает основные темы отрасли, в том числе пределы уголовного права и криминализации, основы институтов причинности, виновности, ответственности, проблемы принуждения, провокации и самообороны, вопросы наказания, смертной казни, помилования, предварительного заключения и других альтернативных видов

³⁷ См.: Alexander Larry. The Philosophy of Criminal Law (May 15, 2001). The Oxford Handbook of Jurisprudence and Legal Theory, Forthcoming. URL: <https://ssrn.com/abstract=285954> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.285954>

³⁹ См.: The Oxford Handbook of the Philosophy of the Criminal Law // Edited by John Deigh and David Dolinko. Oxford University Press: New York. 2011.

³⁷ См.: The Oxford Handbook of Jurisprudence and Philosophy of Law / Edited by Jules L. Coleman, Kenneth Einar Himma, Scott J. Shapiro. Oxford University Press: Oxford, United Kingdom. 2004.

наказания. Справочник оценен как бесценный ресурс для ученых и студентов, чьи научные интересы касаются вопросов теории и философии уголовного права.

В завершение можно отметить, что настоящая статья представляет собой историографический обзор основных явлений, процессов и взглядов, отражающих зарождение, становление и развитие философии уголовного права в европейской и англо-американской традициях. Обобщенный в этой статье материал демонстрирует основные вехи истории названных школ и не претендует на исчерпывающий обзор отраслевой литературы. Он дает возможность дополнить или сформировать представления о мире философии уголовного права и оценить положение одноименной отрасли знания в отечественной науке, в которой на современном этапе очень робко обсуждается вопрос о степени необходимости и полезности для нее философии уголовного права, а целым рядом специалистов и вовсе ставится под сомнение потребность в названной дисциплине. Автор стремился не только ввести в научный оборот малоизвестные зарубежные источники, указать на ведущих специалистов рассматриваемой области, обратить внимание на преемственность исследовательского интереса к криминальному миру, но и продемонстрировать то, что европейские и англо-американские школы не задавались вопросами об актуальности философско-правового знания. После постановки и обсуждения этих вопросов еще в античные времена, мыслители более не возвращались к ним и не ставили их под сомнение, последовательно продвигались в своих изысканиях, и сегодня небезосновательно считаются ведущими и авторитетными школами в области философии уголовного права.

В этом смысле история европейской и англо-американских школ как наиболее ценная часть мировой философии уголовного права в определенной мере служит примером для отечественной философии и науки уголовного права. Последним из нее можно вполне уверенно извлечь ряд полезных уроков. Сопоставление прошлого с настоящим отмеченных школ обращает внимание, прежде всего, на то, что исследовательский интерес их представителей в подавляющем большинстве случаев был подчинен предмету своего любопытства, т.е. уголовному праву как «вещи в себе», что объясняет залог их преемственности. Поскольку они не стремились приспособить этот предмет под какие-либо политико-догматические представления, то философия уголовного права никогда не выпадала из орбиты как собственно научной, так и общественной жизни. В итоге рассмотренные школы

сегодня имеют свою историю, входят в общемировую историю и на основе этих историй самостоятельно и уверенно следуют через настоящее в будущее.

Список литературы

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Пер. Ю.М. Юмашева. М.: Междунар. отношения, 2000.
2. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1998.
3. Марк Туллий Цицерон. Мысли и высказывания / Под ред. В.П. Бутромеева, В.В. Бутромеева. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011.
4. Степин В.С. Философский анализ мировоззренческих универсалий культуры // Гуманитарные науки. 2011. № 1.
5. Франк А. Философия уголовного права в популярном изложении. СПб., 1868.
6. Ad Lucilium Epistulae Morales with an English translation by Richard M. Gummere, Ph.D. of Haverford College in Three volumes I. London William Heinemann New-York: G. P. Putnam's Sons. MCMXW.
7. Alexander Larry. The Philosophy of Criminal Law (May 15, 2001). The Oxford Handbook of Jurisprudence and Legal Theory, Forthcoming. URL: <https://ssrn.com/abstract=285954> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.285954>
8. Allot Ph. How to Make a Better World: Human Power and Human Weakness // FICHL Policy Brief Series. 2016. № 75.
9. Bar, Carl Ludwig von. A History of Continental Criminal Law. Boston. Little, Brown, and Company. 1916.
10. Beccaria C. Dei delitti e delle pene. F. Sanvito, 1858.
11. Bradley F.H. Anglo-American Philosophies of Penal Law, 2 J. Am. Inst. Crim. L. & Criminology 186 (May 1911 to March 1912).
12. Cassirer E. Logos, Dike, Kosmos in der Entwicklung. Göteborg, 1941.
13. Gardner J. A. The Sociological Jurisprudence of Roscoe Pound (Part I), 7 Villanova Law Review. 1 (1961).
14. Hart H.L.A. The Concept of Law // Second Edition with a postscript edited by Penelope A. Bulloch and Joseph Raz. Oxford University Press, 1961.
15. Hetzel H. Die Todesstrafe in ihrer kulturgeschichtlichen Entwicklung / eine studie von H. Hetzel. Berlin; W. Moeser, 1870.
16. J. de Ghellingk. Le Mouvement Theologique du XIIe Siècle Etudes, Recherches et Documents. Paris: Librairie Victor Legoffre J. Gabalda, Éditeur Rue Bonaparte, 90, 1914.
17. Jaeger W. Paideia. Berlin, 1934. Bd. 1.
18. Janet P. Histoire de la philosophie morale et politique. Vol 2. Paris, 1868. V. I.
19. Kant I. The Metaphysic of Ethics. Translated by J.W. Jsemple, Advocate. Third Edition. Edinburgh: T.&T. Clark, 38 George Street. 1871.
20. Kenny C.S. Outlines of Criminal Law. London: Macmillan & Ltd. 1907.
21. Kocourek A., Wigmore J.H. Evolution of Law: select readings on the origin and development of legal institutions. Volume II. Primitive and Ancient Legal Institutions. Boston. Little, Brown, and Company. 1915.
22. Maine Henry Sumner. Ancient Law: Its Connection with the Early History of Society and Its Relation to Modern Ideas. London: John Murray, Albemarle Street, 1897.
23. Miller W.G. Lectures on the Philosophy of Law, Designed Mainly as an Introduction to the Study of International Law. London: Charles Griffin and Company, Exeter Street, Strand. 1884.
24. Miller, Morris. Moral Action and Natural Law in Kant, and some developments. George Robertson & Company Propy. Ltd., Melbourne, Sydney, Adelaide and Brisbane. 1911.
25. Neumann U., Schroth U. Neuere Theorien von Kriminalität und Strafe: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1980. X.
26. Philosophy and the Criminal Law // Association for Legal and Social Philosophy tenth annual conference at the University of Manchester, 8th-10th April 1983; edited by Antony Duff and Nigel Simmonds. Published 1984 by Steiner in Wiesbaden.
27. Pound R. An Introduction to the Philosophy of Law. Yale University Press in New Haven, Ct. 1922.

28. Robert S. Summers. Professor H. L. A. Hart's Concept of Law; Simpson, A. W. Brian (2011). Reflections on "The Concept of Law". Oxford University Press.
29. Spencer H. Anglo-American Philosophies of Penal Law, 1 J. Am. Inst. Crim. L. & Criminology 862 (May 1910 to March 1911).
30. St. Thomas Aquinas. The Summa Theologica. Part I. QQ. LXXV CII. London Burns Oates & Washbourne LTD. Publishers to the Holy See.
31. Tarde G. Penal Philosophy. Boston. Little, Brown, and Company. 1912.
32. The Oxford Handbook of Jurisprudence and Philosophy of Law / Edited by Jules L. Coleman, Kenneth Einar Himma, Scott J. Shapiro. Oxford University Press: Oxford, United Kingdom. 2004.
33. The Oxford Handbook of the Philosophy of the Criminal Law // Edited by John Deigh and David Dolinko. Oxford University Press: New York. 2011.
34. Westel Woodbury Willoughby, Anglo-American Philosophies of Penal Law, 1 J. Am. Inst. Crim. L. & Criminology 354 (May 1910 to March 1911).
35. Wharton F. Philosophy of Criminal Law. Philadelphia: Kay & Brother, 17 and 19 South Sixth Street. 1880.

The Philosophy of Criminal Law in the History of European and Anglo-American Schools

Bochkarev S.A.,
PhD in Law,

Senior Researcher, Institute of State and Law of RAS
E-mail: bochkarvs@mail.ru

***Annotation.** The article is a historiographic review of the main phenomena, processes and views reflecting the origin, formation and development of the philosophy of criminal law in European and Anglo-American traditions. The material summarized in this article demonstrates the main milestones in the history of these schools and does not pretend to an exhaustive review of branch literature. At the same time, it can be useful to Russian philosophy and the science of law, since it gives them the opportunity to supplement or form ideas about the world of the philosophy of criminal law and to assess the position of the same branch of knowledge in domestic science.*

***Keywords:** science, philosophy, law, philosophy of criminal law, theory of law, history of criminal law.*

References

1. Bekkaria Ch. O prestupleniyakh i nakazaniyakh / per. Yu.M. Yumasheva. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 2000.
2. Berman G.Dzh. Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya / Per. s angl. 2-e izd. M.: Izd-vo MGU: Izdatel'skaya gruppa INFRA-M – NORMA, 1998.
3. Mark Tulliy Tsitseron. Mysli i vyskazyvaniya / pod. red. V.P. Butromeeva, V.V. Butromeeva. M.: OLMA Media Grupp, 2011.
4. Stepin V.S. Filosofskiy analiz mirovozzrencheskikh universalij kul'tury // Gumanitarnye nauki. 2011. № 1.
5. Frank A. Filosofiya ugolovno go prava v populyarnom izlozhenii. SPb., 1868.